

Содержание

Осторожно, инновации! · 7

1. Вообразить инновации · 14

2. Хакатоны, или Дух нового капитализма · 54

3. Митапы: рычаг сообщества · 88

4. Акселераторы, стартапы и оборот
капитала · 125

5. Офис венчурного капиталиста
и концентрация капитала · 160

6. Рядом с водой: «Берег инноваций»
в Бруклине · 207

7. Карьерные каналы: перспективные кадры,
меритократия и академический капитализм · 252

8. Адрес инновации · 297

Послесловие автора. О методах и поездках · 344

Осторожно, инновации!

ВСЕ ГОВОРЯТ об «инновационной экономике», но никто точно не знает, когда и где она начинается. Если «инновации» означают новые виды бизнеса и новые виды занятости, которые зависят от цифровых технологий, то мы можем сказать, что у ее истоков находятся центры разработки и производства электроники середины XX в., такие как Силиконовая долина в Калифорнии и район Окружного шоссе 128 Бостона. Но если мы говорим о текущей эпохе «капитализма платформ», то придется иметь дело с инновациями в новых центрах по разработке программного обеспечения в любом из крупных городов мира, начиная с Сан-Франциско, Нью-Йорка, Лондона и Шанхая. На правильный ответ также влияют и моральные соображения. Пусть критики новой экономики негодуют по поводу прекарного труда и цифрового надзора, люди, работающие внутри самопровозглашенного «техно-сообщества», предпочитают духоподъемный дискурс «инноваций и предпринимательства». Тем не менее, несмотря на противоположные взгляды, ясно одно. Сегодня именно города — это ключевые точки, в которых происходит одновременно и мощное взаимодействие территории, труда, культуры и капитала, являющееся основой новой экономики — «инновационного комплекса», — и сопротивление ему.

Как показывает выражение «инновационный комплекс», у новой экономики есть как материальные, так и символические стороны. С материальной стороны город создает многочисленные пространства или «комплексы» зданий, где должны производиться технологические инновации. С символической стороны они демонстрируют психологический «комплекс» или культурный страх, стремясь контролировать инновации так, чтобы не потерять управление. Городские власти следуют современному нарративу об экономическом росте: при поддержке государства новые идеи процветают, бизнес делает инвестиции, создаются новые рабочие места. Эти «вымышленные» ожидания позволяют им пред-

ставить себе ландшафт инноваций, в котором царит всеобщее процветание¹.

Но реальность куда сложнее и опаснее. Городские власти играют важную роль, незаметную для посторонних глаз. Они субсидируют бизнес-инвестиции и специализированное образование, чтобы заставить технологические компании создавать рабочие места. Организуют технологические хабы и инновационные районы в интересах застройщиков. И они же решают «проблемы», которые технологические компании создают для локальных рынков и местных жителей: разбираются со службами такси и краткосрочной арендой, беспилотными автомобилями и электросамокатами, со сбором персональных данных компаниями, предоставляющими оборудование для «умного города». Но даже если мэры городов хотят оседлать тигра цифровых инноваций, они, так или иначе, остаются во власти общего контекста: трансформации глобального капитализма.

Чтобы понять, как подобное работает, взглянем на The Grid, одну из множества инициатив, предложенных за последние годы Корпорацией по экономическому развитию Нью-Йорка². Как и другие «сети партнерства», The Grid призвана устанавливать рабочие связи между технологическими компаниями из частного сектора, технологическими подразделениями городского правительства и некоммерческими организациями, включая местные университеты, корпорации по экономическому развитию и территориальные бизнес-ассоциации. Эта разнородная сеть организаций нацелена на то, чтобы делиться знаниями и ковать инновации; параллельно спасая город и мир от экономической и экологической катастрофы. Однако ясно, что каждый из партнеров надеется извлечь какую-то выгоду из этой организационной формы: получить инвестиционный капитал, контракты на поставки и обучение или рабочие места.

А теперь давайте взглянем на Джеффа Меррита, члена руководящего комитета The Grid. С фотографий на его сайте на нас смотрит еще довольно молодой человек с модной небритостью. Меррит прошел подготовку в области так называемых гражданских технологий (*civic tech*), работал в про-

1. О «вымышленных» ожиданиях см.: Jens Beckert, *Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016); Bob Jessop, «Critical Semiotic Analysis and Cultural Political Economy», *Critical Discourse Studies* 1, no. 2 (2004): 159–174.

2. «NYCEDC and CIV: LAB Launch: The Grid», <https://edc.nyc/press-release/nycedc-and-civlab-launch-grid>, 6 февраля 2019 г., доступ 12 мая 2019 г.

ектах по вовлечению горожан в общественную жизнь и демократическому управлению как с государственными органами, так и негосударственными организациями в США и не только. В 2010 г. он начал работать на нынешнего мэра Нью-Йорка Билла де Блазио, когда тот еще занимал должность главы городского совета Нью-Йорка. После того как в 2012 г. де Блазио был избран мэром, он назначил Меррита директором по инновациям. На этой должности Меррит помогал создавать департамент по технологии и инновациям при мэре. Затем он перешел на нынешнюю должность руководителя IoT + Smart Cities при Всемирном экономическом форуме. Это организация, которая устраивает широко разрекламированную ежегодную конференцию в Давосе, куда съезжаются главы корпораций, правительств и исследовательских институтов со всего мира.

Эти вроде бы тривиальные факты тем не менее указывают на удивительное: насколько тесно жизнь на местах и судьбы людей переплетены с глобальным капиталом. Больше всего подобное заметно в больших городах, таких как Нью-Йорк, ставших «городами-суперзвездами», центрами новой экономики. В этих городах процветают стартапы, растет число высокотехнологичных рабочих мест, а меритократия, получившая образование в области цифровых технологий, при поддержке инвесторов, владельцев крупного капитала, формирует новую, техно-финансовую элиту. Но все это не так просто обнаружить. Важные люди, чьих имен вы наверняка не знаете, и мероприятия, о которых вы никогда не слышали, определяют новые правила жизни, претендуют на влияние на молодое поколение и формируют его мировоззрение. Присутствие Джеффа Меррита в руководящем комитете The Grid позволяет связать инновационный комплекс Нью-Йорка с высшим управляющим звеном Всемирного экономического форума.

Эта связь может напомнить о властвующей элите: этот термин в середине XX в. предложил социолог Чарльз Райт Миллс для описания новой единой группы людей, которая стоит во главе корпораций, правительства и армии — группе, более широкой по размаху, более глубоко встроеной в национальные институты и обладающей большей властью, чем какие бы то ни было местные вожди и влиятельные исторические деятели³. По мнению Миллса, образование властвующей элиты, произошедшее вскоре после Второй мировой войны, в 1950-е гг.,

3. C. Wright Mills, *The Power Elite* (New York: Oxford University Press, 1956); Чарльз Райт Миллс, *Властвующая элита* (Москва: Иностранная литература, 1956).

стало реакцией на рост национальных рынков и угрозу всеобщей ядерной войны. Сегодня похожая элита, в которую входят представители технологической индустрии и финансовые инвесторы, реагирует уже на рост глобальных рынков и угрозу всемирной экономической конкуренции. Действуя через частно-государственные некоммерческие партнерства вроде The Grid, техно-финансово-государственная элита и связанная с ней меритократия перестраивает города в угоду новой эпохе глобального капитала.

Я допускаю, что мой взгляд на новую экономику несколько более критичен, чем то, что привыкли видеть. С одной стороны, экономисты и географы намечают контуры «новой трудовой географии», когда небольшое число высокооплачиваемых рабочих мест для высококвалифицированных специалистов оказывается сосредоточено в нескольких городах-суперзвездах. С другой — социологи и бизнес-консультанты, изучающие инновации, обращают внимание на неформальные процессы налаживания связей между организациями, которые в итоге приводят к появлению перспективных в коммерческом отношении идей и продуктов. Оба подхода сконцентрированы на определяющей роли «технически продвинутых кадров» — молодых, мобильных, образованных работников — которые теперь хотят жить и работать в городах. Этот культурный поворот принес нам фудкорты, велодорожки и коворкинги, универсальные символы инновационного комплекса, а также нью-йоркские филиалы Google, Facebook, IBM Watson, а также план строительства штаб-квартиры Amazon, размещение которой на Лонг-Айленде предотвратили только протесты со стороны общественности⁴.

Не стану отрицать, что культурный выбор — интересы, вкусы, эстетические предпочтения — значительно усилил и без того растущую привлекательность новой экономики и определил то, какие именно нарративы она продвигает⁵. Не ме-

4. Рабочие места: Enrico Moretti, *The New Geography of Jobs* (New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2012); David H. Autor, «Work of the Past, Work of the Future», Richard T. Ely Lecture, American Economic Association Annual Meeting, Atlanta, <https://aea-web.org/webcasts/2019/aea-ely-lecturework-of-the-past-work-of-the-future>, 4 января 2019 г., доступ 10 февраля 2019 г. Инновации: Clayton M. Christensen, *The Innovator's Dilemma* (Boston: Harvard Business School Press, 1997); John F. Padgett and Walter W. Powell, *The Emergence of Organizations and Markets* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012). Кадры: Richard Florida, *The Rise of the Creative Class* (New York: Basic Books, 2002). Ричард Флорида, *Креативный класс: люди, которые меняют будущее* (Москва: Классика-XXI, 2005).

5. Значение культурных и эстетических предпочтений для новой экономики:

нее важен, как это понял еще несколько лет назад социолог Мануэль Кастельс, — капитал, точнее, неравномерная концентрация богатства и развития рынков, которые предоставляют некоторым городам ресурсы для запуска новых бизнесов. Прежде всего это, конечно, финансовый капитал, но также социальный капитал, связывающий различных акторов и организации в «экосистеме стартапов», и культурный капитал, предоставляемый инвесторами предпринимателям и работникам технологического сектора путем наставничества и налаживания связей в разнообразных каналах инновационного комплекса — университетах, акселераторах и школах программирования⁶.

Хотя большинство из этих процессов разворачивается в частном секторе, городские власти играют в них ключевую роль. В Нью-Йорке после экономического кризиса 2008 г. промышленная политика города была переориентирована на технологическую индустрию. Иногда Корпорация по экономическому развитию Нью-Йорка субсидирует размещение отдельных технологических компаний — в случае тендера на размещение штаб-квартиры Amazon даже слишком активно, совместно со штатом Нью-Йорк — но она также субсидирует партнерства между частным сектором и некоммерческими организациями, чтобы они обустроивали рабочие пространства, запускали программы по профессиональной подготовке и строили инфраструктуру, от технохабов до паромов, что позволило бы заполнить пустующие здания, увеличило бы стоимость земли и создало в будущем рабочие места. Подозреваю, что эту программу в значительной мере разделяют власти всех городов, независимо от того, кем является мэр, какая политическая партия им правит или какая идеология разделяется.

Здесь, однако, содержится противоречие. Чем успешнее в городе инновационный комплекс, тем тяжелее в нем жить.

Luc Boltanski and Eve Chiapello, *The New Spirit of Capitalism*, trans. Gregory Elliott (London: Verso, 2005); Льюк Болтански и Эв Кьяпелло, *Новый дух капитализма* (Москва: Новое литературное обозрение, 2011); Nigel Thrift, «'It's the Romance, Not the Finance, That Makes the Business Worth Pursuing': Disclosing a New Market Culture», *Economy and Society* 30, no. 4 (2001): 412–432, и другие статьи в: Nigel Thrift, *Knowing Capitalism* (London: Sage, 2005).

6. Значение венчурного капитала для «инновационной среды»: Manuel Castells, *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-Regional Process* (Oxford and Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1989). Значение социального капитала: Michael Storper, Thomas Kemeny, Naji Makarem, and Taner Osman, *The Rise and Fall of Urban Economies: Lessons from San Francisco and Los Angeles* (Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2015).

Одна из причин: сливки снимают прежде всего частные инвесторы. Они считают, что заслужили свои прибыли, потому что готовы идти на риск. Однако, по словам экономиста Марианы Маццукато, хотя как морального поощрения, так и финансовой награды за поддержку инноваций заслуживает прежде всего государство, слишком много и первого и второго на самом деле получают менеджеры частных инвестиционных фондов и венчурные инвесторы. Огромные состояния, накопленные этими инвесторами, а также основателями стартапов и их первыми сотрудниками, обналичившими свою долю во время первичного размещения акций или их продажи, выплескиваются на рынок городского жилья. Стоимость земли растет слишком быстро и резко, чтобы работники «старой экономики» могли себе позволить оставаться в нем жить⁷.

Раз за разом мы наблюдаем, как городские власти не могут или не хотят перехватить необходимый объем финансовой прибыли от инноваций ради того, чтобы профинансировать необходимое предложение доступного жилья, эффективную систему общественного транспорта и государственные школы для всех. В худшем случае инвестиционный бум в экосистеме стартапов города зависит от неустойчивого пузыря спекулятивной недвижимости, финансируемого суверенными инвестиционными фондами и программами предоставления гражданства зарубежным инвесторам в обмен на инвестиции.

Однако в последние несколько лет общественность, наконец, осознала ту пропасть, которая существует между мощью технологической индустрии и экономической уязвимостью тех, кто в ней занят, а также между властью платформ социальных сетей и опасностью, которой подвергаются их пользователи. Это осознание темной стороны инновационного комплекса вызвало рост сопротивления. В Берлине местные жители и активисты выступили против планов Google открыть офис в джентрифицированном районе — и компания изменила свои планы. В Сан-Хосе городские власти потребовали от Google права влиять на планы по строительству доступного жилья возле штаб-квартиры компании, цель которого в том, чтобы малоимущие жители города, не занятые в технологическом

7. Mariana Mazzucato, *The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy* (New York: Public Affairs, 2018). Мариана Маццукато, *Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике* (Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021). О доходах технологического сектора, раздувающего рынок жилья: Richard A. Walker, *Pictures of a Gone City: Tech and the Dark Side of Prosperity in the San Francisco Bay Area* (Oakland, CA: PMPress, 2018).

секторе, тоже что-то получили. В Нью-Йорке члены городского совета и законодатели штата, общественные активисты и местные жители были настолько возмущены тем, что их исключили из процесса принятия решений о размещении штаб-квартиры Amazon, и тем, что город не смог добиться никаких существенных льгот для жителей, несмотря на то что собирался предоставить Amazon огромные субсидии, что компания в итоге отменила сделку.

Несмотря на утверждения губернатора и мэра о том, что протесты отняли у ньюйоркцев уникальный шанс, технологические компании продолжают открывать офисы, городской совет предлагает все более широкое участие в подготовке планов экономического развития, а действующие процедуры планирования — заключения экспертов, общественные слушания, пошаговые переговоры и согласования — стали подвергаться более тщательной проверке. Это хорошие первые шаги на пути к менее харизматическим, но более демократическим формам инноваций, чем те, что представлены технологическими гигантами и многомиллиардными IPO.

Не думаю, что будет наивно с моей стороны утверждать, что такой город, как Нью-Йорк, может продемонстрировать нам и перспективы, и риски, связанные с инновационным комплексом. Нью-Йорк с его обширными ресурсами и не менее обширными обязательствами представляет собой ключевой испытательный полигон для использования инноваций на благо общества. Для начала мы должны взглянуть на то, как в нем после экономического кризиса 2008 г. шаг за шагом создавался инновационный комплекс. Я предлагаю одновременно и многослойную историю, и критическую интерпретацию этого процесса, показывающую, каким образом устанавливается новая экономика, трансформирующая город.

1. Вообразить инновации

КОГДА в ноябре 2018 г. Amazon решил построить половину своей «второй корпоративной штаб-квартиры» на прибрежной территории в нью-йоркском Квинсе, для многих это стало полной неожиданностью. Технологическая индустрия была еще молода, и ее репутация находилась в тени традиционных для Нью-Йорка индустрий, таких как финансы и медиа, а также космополитичной художественной и литературной жизни. Но Amazon обещал всякому городу, который его примет, волшебное будущее: тысячи высокооплачиваемых рабочих мест, мощный стимул для развития местной экосистемы компьютерщиков и предпринимателей и заметное присутствие одной из самых дорогих мировых корпораций. Эти перспективы убедили мэра Нью-Йорка и губернатора штата Нью-Йорк, что необходимо попытаться заманить многомиллиардную компанию и ее владельца-мультимиллиардера в город при помощи финансовых льгот, составлявших в сумме три миллиарда долларов.

«[Приход Amazon] окажет глубоко позитивное воздействие на Нью-Йорк,— заявил мэр,— укрепит наши позиции и на длительный срок поддержит экономику города». Его оптимизму вторили, по крайней мере на начальном этапе, официальные лица всего города. Однако когда Amazon объявил о своем решении и ньюйоркцы узнали о размерах щедрого предложения, сделанного городом и штатом, поднялись протесты. Члены городского совета, включая тех из них, кто представлял Лонг-Айленд Сити, район, выбранный компанией для размещения штаб-квартиры, вместе с редакцией газеты *New York Times* выразили возмущение и высказали ряд опасений¹.

1. Поддержка проекта выборными чиновниками: Daniel Geiger, «What New York Can Deliver Amazon», <https://www.chicagobusiness.com/article/20171016/NEWS08/171019888/what-new-york-can-deliver-amazon-on-the-headquarters-hunt>, 16 октября 2017 г., доступ 22 ноября 2018 г.; Karen Weise and J. David Goodman, «Befo-

В нескольких милях от предполагаемого места размещения штаб-квартиры, на Нижнем Манхэттене, книжный магазин Strand, просуществовавший девяносто лет, один из немногих книжных в городе, выживших в жестокой конкуренции с Amazon, проводил свою кампанию против него. Защитники исторического наследия хотели, чтобы зданию, в котором он находится, был присвоен статус архитектурного памятника: это позволило бы защитить магазин от агрессивных планов строительства офисов технологических компаний в соседних кварталах. Активисты надеялись, что если сохранить критическую массу старой застройки, это помешает превращению района в глянцевый технометрополис. Но владелица магазина, внучка его основателя, отказалась от этого предложения. Она была собственником здания и хотела, чтобы ничто не связывало ее руки.

Отказ от статуса памятника архитектуры она объяснила недавно поступившим щедрым предложением, сделанным городом Amazon: «Самому богатому человеку Америки, — сказала она, — нашему прямому конкуренту только что дали субсидии на три миллиарда долларов. Я не прошу денег или налогового возврата... Просто оставьте меня в покое»².

Контраст между электронной торговлей и независимым магазином связан не только с различиями в масштабе. Он олицетворяет борьбу между старым и новым в городской экономике. Эта борьба уходит глубоко на локальный уровень и определяет характер города. Она влияет на то, как выглядят районы и какие чувства они вызывают, на шансы жителей получить хорошую работу и на способность города меняться и расти — или впадать в стагнацию. Но адаптация к новой экономике бросает вызов существующим отношениям между компаниями, застройщиками и городскими властями — как группам внутри

re a Deal, Amazon Had to Know: Could Cuomo and De Blasio Get Along?», <https://www.nytimes.com/2018/11/13/technology/amazon-hq2-headquarters.html>, 13 ноября 2018 г., доступ 13 ноября 2018 г. Заявление мэра: «#AskTheMayor: Now That the Democrats Are in Control», *The Brian Lehrer Show*, <https://www.wnyc.org/story/askthemayor-now-democrats-are-control/>, 9 ноября 2018 г., доступ 10 ноября 2018 г. Протесты: New York Times Editorial Board, «New York's Amazon Deal Is a Bad Bargain», <https://www.nytimes.com/2018/11/14/opinion/new-yorks-amazon-deal.html>, 14 ноября 2018 г., доступ 14 ноября 2018 г.; J. David Goodman, «Amazon Went to City Hall. Things Got Loud, Quickly», <https://www.nytimes.com/2018/12/12/nyregion/amazon-city-council-hearing.html>, 12 декабря 2018 г., доступ 12 декабря 2018 г.

2. Corey Kilgannon, «Declare the Strand Bookstore a City Landmark? No Thanks, the Strand Says», <https://www.nytimes.com/2018/12/03/nyregion/strand-bookstorelandmark.html>, 3 декабря 2018 г., доступ 4 декабря 2018 г.

элиты, которые не только создают условия для роста местных рынков, но и извлекают из них прибыль. А также она затрагивает и жителей города. Подобно конфликтам, разыгрываемым вокруг Amazon и Strand, переход к новой экономике — это борьба за право определять нарратив перемен.

В качестве места концентрации власти, города мобилизуют экономические ресурсы и обращают их в инвестиции крупного, даже глобального масштаба. Сначала на заводах, потом в небоскребах, а теперь в инкубаторах, акселераторах и коворкингах в буквальном смысле прокладываются новые линии организации производства. В то же время в качестве культурных центров города создают новые способы представления этих перемен, их оправдания и приспособления — как и сопротивления им. Сегодняшние визионеры от урбанистики и выборные чиновники сочиняют ландшафт инноваций, в котором технологии создают новые цифровые платформы, коммерческие продукты и, что самое главное для политиков, рабочие места. Они надеются на то, что эти образы станут двигателем для городского ренессанса. В дискурсе об инновациях они уже стали таковыми.

Ренессанс — подходящая метафора для этих перемен. Образы инноваций, по крайней мере на Западе, уходят корнями в культуру европейского Ренессанса XV в. Тогда во Флоренции меценаты из аристократии привлекали талантливых художников и оказывали поддержку мастерским, в которых создавались проекты поразительной оригинальности. Сочетание новаторского гения и коллаборативного производства в тот период сделали город культурной столицей Европы и мировой столицей в истории искусства³.

Полтысячелетия спустя образы инноваций породили еще одно архетипическое время и место — это Детройт начала

3. По крайней мере с начала 1990-х, когда крупные промышленные регионы в Англии и Германии стали приходить в упадок в сравнении с новыми регионами, особенно в США, исследователи изучали синергический эффект различных типов индивидов и предприятий, которые скапливались в густонаселенных городских и региональных кластерах, где они одновременно и конкурировали, и кооперировались, а также часто делились важной информацией, которая приводила к новым открытиям и изобретению новых технологий. Интересная статья о возникновении такого рода исследований: Fiorenza Belussi and Katia Caldari, «At the Origin of the Industrial District: Alfred Marshall and the Cambridge School», *Cambridge Journal of Economics* 33, no. 2 (2009): 335–355. О Ренессансе как показательной истории инноваций см.: Frans Johansson, *The Medici Effect: Breakthrough Insights at the Intersection of Ideas, Concepts, and Cultures* (Boston: Harvard Business School Press, 2004); Франс Йоханссон, *Эффект Медичи. Возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур* (Москва: Вильямс, 2007).

1900-х гг., на заре современной промышленной эпохи. Компактно размещенные в городе производители велосипедов, колясок и железнодорожных вагонов, начали создавать новый продукт — автомобили — и строить заводы для их массового производства. Сочетание оригинального дизайна и конвейерного производства превратило маленький город на Среднем Западе в мировую столицу массового производства на более чем пять десятков лет, начиная с эпохи Генри Форда и кончая его послевоенными наследниками⁴.

Однако в XXI в. стало важнее другое не столь далекое время и место, в котором расцвели инновации: рубеж постиндустриальной эпохи, 1950–1980-е гг., когда инженеры, инвесторы и предприниматели от Билла Хьюлетта и Дэвида Пакарда до Стива Возняка и Стива Джобса объединили идеи с капиталами для производства электроники в Северной Калифорнии. Это сосредоточение экспериментов и коллабораций в районе Стэнфордского университета выросло в центр технологических инноваций под названием Силиконовая долина. Сегодня урбанизация Силиконовой долины представляется ни больше ни меньше чем образцом города, фантазией, в основе которой лежит стратегическое размещение новых цифровых технологий в плотных кластерах, создание новой культуры инноваций и производства, а также получение экономических выгод⁵.

-
4. О производителях велосипедов, колясок и вагонов в Детройте см.: Jane Jacobs, *The Economy of Cities* (New York: Random House, 1969); Джейн Джекобс, *Экономика городов* (Новосибирск: Культурное наследие, 2008); и Luis Cabral, Zhu Wang, and Daniel Yi Xu, «Competitors, Complementors, Parents and Places: Explaining Regional Agglomeration in the U. S. Auto Industry», *Review of Economic Dynamics* 30 (October 2018): 1–29.
5. О Силиконовой долине см.: Anna Lee Saxenian, *Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996), а также несколько иной взгляд в: Christophe Lécuyer, *Making Silicon Valley: Innovation and the Growth of High Tech, 1930–1970* (Cambridge, MA: MIT Press, 2005). Джон Ф. Пэдджет и Уолтер В. Пауэлл подчеркивают, что для научных инноваций важен «переизбыток тесно переплетенных друг с другом социальных сетей»: John F. Padgett and Walter W. Powell, *The Emergence of Organizations and Markets* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012). Пока я со своими студентами исследовала продвижение разных форм капитализма, сформированных локальным «воображаемым» под влиянием распространяемых популярной культурой образов в: Sharon Zukin et al., «From Coney Island to Las Vegas in the Urban Imaginary: Discursive Practices of Growth and Decline», *Urban Affairs Review* 33, no. 5 (1998): 625–653, социологи Йенс Бекерт и Боб Джоссоп более широко и с разных ракурсов описали определяющую роль, которую вымышленные сценарии играют в обусловливании различных форм экономической активности. Jens Beckert, *Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016); Bob Jessop, «Critical Semiotic Analysis and Cultural Political Economy», *Critical Discourse Studies* 1, no. 2 (2004): 159–174.

Теперь все города разделяют это представление. В Шэньчжэне, городе на юге Китая с численностью населения более пятнадцати миллионов человек, который после 1980 г. развился из особой экономической зоны для массового производства в «Силиконовую долину для компьютерного оборудования», можно увидеть вывеску на ограждении вокруг стройплощадки, на которой написано: «Инновации меняют жизнь». Пока основатели стартапов из-за рубежа привозят в этот город свои разработки для того, чтобы быстрее и дешевле, чем у себя на родине, создать прототипы, местные технологические компании делают столь крупные вложения в НИОКР, что на долю Шэньчжэня теперь приходится более половины всех патентов, выдаваемых в Китае, в сравнении с чем 16% американских патентов, приходящихся на долю района Залива Сан-Франциско, ничтожно малы. В Копенгагене, исторической столице Дании, живет менее двух миллионов человек. Но и там городские власти назначают специального представителя по инновациям и строят искусственный остров для размещения инновационного хаба: не так давно эта страна даже ввела должность посла в Силиконовой долине. В каждом из этих городов — и почти в каждом большом городе во всем мире — бизнес, выборные чиновники и застройщики строят «хабы», «экосистемы» и «хабитаты» для инноваций. В глобальном ящике с инструментами вернувшего себе харизму капитализма «инновации» — это одновременно и риторический прием, и операционная процедура, обладающая неотразимой привлекательностью и якобы неизбежная стратегия для городов, будущее которых выглядит неопределенным⁶.

6. Мои наблюдения о том, как образы инноваций заново очаровали капитализм, отражают критический культурологический подход, представленный в «Новом духе капитализма» Люка Болтански и Эв Кьяпелло, а также и у Найджела Триффа: Nigel Thrift, «'It's the Romance, Not the Finance, That Makes the Business Worth Pursuing': Disclosing a New Market Culture», *Economy and Society* 30, no. 4 (2001): 412–432, и в других статьях из: *Knowing Capitalism* (London: SAGE, 2005). Шэньчжэнь: Mary Ann O'Donnell, Winnie Wong, and Jonathan Bach, *Learning From Shenzhen: China's Post-Mao Experiment from Special Zone to Model City* (Chicago: University of Chicago Press, 2017); Wired UK, *Shenzhen: The Silicon Valley of Hardware*, https://youtube.com/watch?v=PmShUCcIK_4, 5 июля 2016 г., доступ 31 мая 2018 г.; Xiangming Chen and Taylor Lynch Ogan, «China's Emerging Silicon Valley: How and Why Has Shenzhen Become a Global Innovation Centre», <http://europeanfinancialreview.com/?p=12327>, 22 декабря 2016 г., доступ 27 июля 2017 г.; интервью, Vicky Xie, Shenzhen Open Innovation Lab, май 2018 г. Патенты в районе залива Сан-Франциско: Chris Forman, Avi Goldfarb, and Shane Greenstein, «Agglomeration of Invention in the Bay Area: Not Just ICT», *American Economic Review* 106, no. 5 (May 2016): 146–151. «Инновации меняют жизнь»: я видела эту надпись, когда посети-

Термин *инновация* приобрел популярность в 1940-е гг., когда экономист Йозеф Шумпетер применил его для описания необычной способности предпринимателей использовать преимущества новых технологий или новых условий для реорганизации производства⁷. Но с тех пор значение этого термина изменилось. Как указывает историк культуры Джон Патрик Лири, в начале XXI в. этот термин означает не только признание, но и капитуляцию перед «динамической турбулентностью капиталистического рынка»⁸. Повсеместное распространение дискурса об инновациях — как и распространение инновационных пространств — свидетельствуют о том, что города сдает страх перед тем, что им не удастся справиться с этой турбулентностью.

Многим городским элитам есть о чем беспокоиться: их бизнес рискует не выжить в глобальной конкурентной борьбе, качество жизни не привлекает «правильные» кадры, их неспособность генерировать предпринимательские стартапы заставит инвесторов обойти их стороной и вложиться в развивающиеся более динамично города. Под давлением подобных опасений городские элиты берутся за развитие двухстороннего «инновационного комплекса», одновременно и инструментального и идеологического. Они создают многочисленные пространства или строят «комплексы» зданий, в которых должны возникнуть инновации, и в то же время демонстрируют психологический «комплекс» или культурный страх перед

ла Шэньчжэнь в мае 2018 г. Копенгаген: Philip Bell, «Creating a Culture of Innovation in Copenhagen», <https://citiesdigest.com/2017/08/15/creating-cultureinnovation-copenhagen/>, 15 августа 2017 г., доступ 13 июля 2018 г.; «Europe's Silicon Valley': Denmark Plans Nine New Islands», <https://theguardian.com/world/2019/jan/07/europes-silicone-valley-denmark-plans-nine-new-islands-copenhagen>, 7 января 2019 г. и Adam Satariano, «The World's First Ambassador to the Tech Industry», <https://nytimes.com/2019/09/03/technology/denmark-tech-ambassador.html>, 3 сентября 2019 г., доступ к обзору 6 октября 2019 г. «Хабитат инноваций» в: Doug Henton and Kim Held, «The Dynamics of Silicon Valley: Creative Destruction and the Evolution of the Innovation Habitat», *Social Science Information* 52, no. 4 (2013): 539–557.

7. Joseph Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper & Brothers, 1942). Йозеф Шумпетер, *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия* (Москва: Эксмо, 2008).

8. John Pat Leary, «Innovation and the Neoliberal Idioms of Development», <https://boundary2.org/2018/08/leary/>, 2 августа 2018 г., доступ 5 августа 2018 г. Похожий взгляд на дискурс об инновациях как реакцию на неопределенность — хотя и необязательно на капиталистическую турбулентность — см.: Sebastian Pfotenhauer and Sheila Jasanoff, «Panacea or Diagnosis? Imaginaries of Innovation and the 'MIT Model' in Three Political Cultures», *Social Studies of Science* 47, no. 6 (2017): 783–810.

технологиями и властью. Объединяющий такие разные города, как Шэньчжэнь, Копенгаген и Нью-Йорк, инновационный комплекс укрепляет власть глобального капитализма.

Инновационный комплекс питается одновременно кризисом и ростом. Лишь небольшое число американских городов приняло практическое участие в буме доткомов в середине 1990-х гг., когда производители контента для новых медиа концентрировались на Силиконовой аллее в Нью-Йорке и в Multimedia Gulch в Сан-Франциско и пытались обратиться в золото создававшийся ими контент для зарождающегося интернета⁹. Но их неудача в трансформации городской экономики напоминает взлет и падение пишущей машинки IBM Selectric в 1970-е: технологическая инновация была слишком маленькой и появилась слишком рано, поэтому инвесторы ее не приняли. Один венчурный инвестор из Нью-Йорка, который еще помнит те времена, сказал мне, что дотком-компания потерпели неудачу, потому что их продукты невозможно было масштабировать. Брэд Бернхэм, сооснователь Union Square Ventures, одной из самых уважаемых венчурных компаний в городе, сказал, что в бизнес-модели того времени преобладали «люди, умевшие собирать деньги, но лишенные чутья в отношении медиума». Инвестиционные банкиры видели, что рыночная стоимость доткомов растет, бросали свою работу и спешили создавать стартапы. Они «часто привлекали крупные суммы денег под относительно хлипкие бизнес-планы и внешние команды разработчиков», — рассказывает Бернхэм. Когда в 2000–2001 гг. акции рухнули, эти инвесторы «списали убытки и вернулись на работу в банки»¹⁰.

Несмотря на технологические инновации последующих нескольких лет, когда социальные медиа, айфон и видеостриминги стали предоставлять казалось бы неограниченные возможности, нью-йоркские инвесторы по-прежнему боялись обжечься. Крупные корпорации, работавшие за пределами технологического сектора, в особенности в финансах и медиа, важных для больших городов, опасались конкуренции со сто-

9. См.: Michael Indergaard, *Silicon Alley: The Rise and Fall of a New Media District* (New York: Routledge, 2004); Mark R. Wolfe, «The Wired Loft: Lifestyle Innovation Diffusion and Industrial Networking in the Rise of San Francisco's Multimedia Gulch», *Urban Affairs Review* 34 (1999): 707–728.

10. Интервью с Брэдом Бернемом, декабрь 2015 г.

роны новых цифровых платформ и неохотно осваивали новые технологии. Городские элиты, призванные предугадывать будущее — выборные чиновники, застройщики, разработчики планов экономического развития, — не понимали, почему надо следовать за цифровыми первопроходцами. Так продолжалось до тех пор, пока экономический кризис 2008 г. не вызвал ряд потрясений в системе: только тогда их мысли обратились к «инновациям».

Но за этими новыми представлениями лежали создававшиеся на протяжении многих лет образы изменяющегося под натиском технологий общества. С 1950-х по 1970-е гг. социальные критики и футурологи пытались представить «постиндустриальную» трансформацию, которая изгонит из городов дымящиеся фабричные трубы и заменит рабочих конвейера служащими сферы услуг, потребителями и роботами¹¹. Поскольку подобные представления зиждились на ожиданиях научно-технического рывка и появились в период массового роста колледжей и университетов, они породили новый троп: «экономика знаний»¹². К 1990-м гг., когда благодаря компьютерам распространение «знания» переместилось из печатных медиа на цифровые платформы, вместо «экономики знаний» заговорили об «экономике информации»¹³. Тем не менее конец спекулятивного роста акций доткомов в 2000–2001 гг. привел к появлению неуверенности касательно того, что же ждет в будущем. Для одних продолжающее сохраняться значение идей и дизайна для разработки новых продуктов указывало на воображаемое будущее «креативной», «культурной» или даже «когнитивно-культурной» экономики¹⁴. Другие, включая журналистов и ученых экспертов, предпочли с осторож-

-
11. Если выбрать одну важную книгу из обширной литературы о постиндустриальном обществе, это будет: Daniel Bell, *The Coming of Post-Industrial Society* (New York: BasicBooks, 1973). Дэниел Белл, *Грядущее постиндустриальное общество* (Москва: Академия, 1999).
 12. Обзор социологической литературы см. в: Walter W. Powell and Kaisa Snellman, «The Knowledge Economy», *Annual Review of Sociology* 30 (2004): 199–220.
 13. Обзор, в котором вместе сведены цифровые технологии, организация труда и новые культурные представления об идентичности и субъекте, был дан в: Manuel Castells, *The Information Age: Economy, Society, and Culture*, 3 vols. (Malden, MA: Wiley-Blackwell, 1999); Мануэль Кастельс, *Информационная эпоха: экономика, общество и культура* (Москва: ГУ ВШЭ, 2000).
 14. Другой подход см. в: Richard Florida, *The Rise of the Creative Class* (New York: Basic Books, 2002); Ричард Флорида, *Креативный класс: люди, которые меняют будущее* (Москва: Классика-XXI, 2005), и Allen J. Scott, *Social Economy of the Metropolis: Cognitive-Cultural Capitalism and the Global Resurgence of Cities* (Oxford: Oxford University Press, 2008).

ностью говорить о «новой» экономике в обобщенном смысле, хотя мнения касательно того, будет ли она более справедливой или более эксплуататорской, чем старая, разошлись. Несмотря на их неопределенность, все разделяют три положения, касающихся новой экономики. Она потребует владения цифровыми технологиями. Она сделает рабочие места менее постоянными. И она означает реорганизацию и возрождение капитализма¹⁵.

Язык, используемый для описания новой экономики, подчеркивает способность адаптироваться к переменам. Компании станут «умными», а работники — «гибкими». Способность стать «первопроходцем» и «подрывать» рынки будет приносить множество преимуществ. Что еще важнее, ключевой процесс изменений — «инновация», а ключевой агент перемен — предприниматель, который находит способы применять новые изобретения для создания коммерчески успешных продуктов. Хотя эти идеи взяты из работ Йозефа Шумпетера, который, возможно, хотел видеть капитализм, более восприимчивый к общественным проблемам, но все равно основывал свою концепцию инноваций на индивидуальных предпринимателях, к 1980-м гг. они стали модными терминами, позволяющими добиваться успеха в деловом мире США. Как раз тогда теоретик менеджмента Питер Друкер опубликовал важную книгу под названием «Инновации и предпринимательство»¹⁶. Друкера не интересовали хакеры и инженеры, разрабатывавшие новые технологии, вслед за Шумпетером он подчеркивал способность отдельных бизнес-лидеров видеть и развивать новые возможности для коммерции. Но поразительные успехи в развитии цифровых технологий, достигнутые в 1980-е гг., и быстрое появление новых технологических предпринимателей, таких как основатели Apple Возняк и Джобс, связали лозунг Друкера «инновации и предпринимательство» с конкретными рабочими процессами и организациями, образовавшимися в Силиконовой долине. Географическое название «Силиконовая долина» стало неразрывно

15. Касательно этой ориентации «новой» экономики см.: Болтански и Кьяпелло, *Новый дух капитализма*, а также: Thrift, *Knowing Capitalism*.

16. Peter F. Drucker, *Innovation and Entrepreneurship* (Abingdon, UK, and New York: Routledge, 1985/2015); Питер Друкер, *Бизнес и инновации* (Москва: Вильямс, 2007); «модные словечки» взяты из рецензии Герберта Стейна на книгу Друкера: Herbert Stein. «How to Learn From Your Edsels», *New York Times Book Review*, 9 июня 1985 г., <http://www.nytimes.com/1985/06/09/books/how-to-learn-from-your-edsels.html>, доступ 4 ноября 2017 г.

ассоциироваться с организационным ландшафтом инноваций, и расцвет обоих объяснялся «тройной спиралью», мощественным партнерством между государством, бизнесом и университетами¹⁷.

Однако цифровые инновации, приведшие к появлению персонального компьютера и интернета, также расширили доступ к основным средствам производства новой экономики. Теоретически сегодня *каждый* может стать предпринимателем и завести свой бизнес *где угодно* — эти надежды из 1990-х гг. питали производители контента для новых медиа с Силиконовой аллеи и Multimedia Gulch. Когда цифровые технологии сделали новый рывок вперед в 2000-е гг., создание приложений и разработка программных пакетов дополнительно расширили доступ к средствам производства новой экономики. Теперь уже практически любой человек, знакомый с азами программирования, может быть инноватором и предпринимателем. География технологических инноваций и их коммерческое применение также расширились. Производство программного обеспечения перебралось из малонаселенного мира Силиконовой долины в простаивающие без дела дешевые помещения заброшенных промышленных зон городов, связанных с финансами и медиа, таких как Сан-Франциско, Лондон и Нью-Йорк.

Многие доткомы ориентировались на жизнь в лофтах — стиль индустриального шика в пространствах, в которых одновременно и жили, и работали, его в 1970-е гг. придумали художники с Нижнего Манхэттена¹⁸. Однако к началу 2000-х гг. новые технологические компании уже неохотно арендовали дорогие лофты в даунтауне, скорее они искали дешевые площади в помещениях складов на побережье и в старых офисных зданиях за пределами центра города. Низкие арендные ставки привлекали только что образовавшиеся технологические фирмы в те районы городов, в которые было легко добраться клиентам и которые при этом обладали собствен-

-
17. Концепция «тройной спирали» взята из работ Генри Этzkовица и его соавторов, написанных в 1990-е гг. См., например: Henry Etzkowitz, «Technology Transfer: The Second Academic Revolution», *Technology Access Report* 6 (1993): 7–9; Henry Etzkowitz and Loet Leydesdorff, «The Triple Helix: University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge-Based Economic Development», *EASST Review* 14 (1995): 14–19; Henry Etzkowitz, «Innovation in Innovation: The Triple Helix of University-Industry-Government Relations», *Social Science Information* 42, no. 3 (2003): 293–338.
18. Sharon Zukin, *Loft Living: Culture and Capital in Urban Change*, 3rd ed. (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2015).

ным грубоватым очарованием. Компания Etsy, онлайн-маркетплейс для крафтовой продукции, открылась в 2005 году в Бруклине в простой квартире, но вскоре переехала в простоявшее многие годы промышленное здание в прибрежном районе Дамбо. Платформа для краудфандинга Kickstarter арендовала помещение для своего первого офиса в многоквартирном доме на Нижнем Ист-Сайде на Манхэттене. Но когда компания расширилась, она переехала на бывшую карандашную фабрику в Гринпойнте, еще одном прибрежном рабочем районе на севере Бруклина. Если бросить взгляд в прошлое, то становится ясно, что, несмотря на широкомасштабную борьбу сторонников жизни в лофтах за поддержку со стороны местных органов власти, она ознаменовала начало общей пространственной и культурной трансформации старых индустриальных городов силами новой постиндустриальной экономики.

Те, кто ратует за рост городов, не сразу уловили потенциал новой экономики. Их внимание было по-прежнему поглощено экономической властью и символическим значением штаб-квартир корпораций и финансовых фирм. Владельцы зданий имели все основания усомниться в том, что стартапы смогут регулярно вносить арендную плату. Ни инвесторы, ни чиновники не имели никакого желания заново пережить катаклизм, вызванный крушением доткомов в 2000–2001 гг. Но ситуацию радикально изменил экономический кризис 2008 г. Он подорвал уверенность в том, что финансовый сектор сможет продолжать поддерживать экономический рост города, и заставил городские власти искать альтернативы, по крайней мере в Нью-Йорке, в котором господствует финансовый сектор. В начале 2000-х гг. у руководства города и советников по экономическому развитию только и разговоров было, что о «креативных городах». Однако к 2010 г. в связи с потребностью восстановить «пошатнувшуюся экономику» они заговорили о региональных «инновационных кластерах»¹⁹. Вместе

19. «Креативные города»: работы Чарльза Лэндри были самыми первыми и самыми влиятельными в части продвижения этой идеи в Великобритании, а в США это соответственно были работы Ричарда Флориды. Charles Landry and Franco Bianchini, *The Creative City* (London: Demos, 1995); Florida, *The Rise of the Creative Class*; Флорида, *Креативный класс*. «Пошатнувшаяся экономика», «инновационные кластеры»: Mark Muro and Bruce Katz, *The New «Cluster Moments»: How Innovation Clusters Can Foster the Next Economy*, Metropolitan Policy Program, Brookings Institution, September 2010. «Кластеры» отражали не просто значение Силиконовой долины, но непосредственно стали ответом на характерную для начала XX в. парадигму промышленных районов, см.: примечание 10 и работу профессора

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru